

АЛЕКСАНДР ШУЛЬГА,

аспирант отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Типология категориально-понятийного аппарата феноменологической социологии (Продолжение)

Abstract

An article is devoted to theoretical problems of phenomenological sociology, and analysis of category-conceptual apparatus of Alfred Schutz as a founder of a new sociological paradigm.

The author clarifies theoretical influence of different representatives of philosophy, sociology and psychology on the Schutz's system, making an emphasis on the role of Edmund Husserl, Max Weber, William James, Herbert Mead. He tries to find out so called "integral category" of the Schutz's system and to define the central categories, which have four attributive functions, which converts a concept into a category. These functions are: knowledge synthesis function, heuristic function, methodological function and logical function. The rest concepts, that don't have these functions, are organized according to the theoretical types.

The theoretical system appears as a hierarchical structure, where all categories and concepts take their own places according to their functions and cognitive roles.

The first theoretical type is called an "operational" one according to its central category, i.e. the phenomenologically interpreted "social action". The second type is the "relevance" one. A "semantic" type is the third one (with "meaning" as its central category). Three last closely connected types are an "epistemic" one (the central category – "stock of knowledge"), an "ontological" one (the central category – "life-world", "Lebenswelt"), and "gnosiological" type. After all, the author substantiates a concept "life-world" as an integral category of the phenomenological system of Alfred Schutz.

1

Предлагаемая статья продолжает попытку типологизации категориально-понятийного аппарата феноменологической социологии. Исходя из этой цели в предыдущей статье, я сосредоточился на трансцендентальной

феноменологии Эдмунда Гуссерля как философской и методологической почве новой социологической парадигмы¹.

Предметом рассмотрения стали несколько логических линий Гуссерлевого анализа и соответствующие группы понятий и категорий. Важно отметить, что это были преимущественно те понятия, которые позже вошли в социологическое употребление.

Прежде чем продолжить анализ, назову других мыслителей, которые повлияли на систему Альфреда Шюца и чьи понятия с соответствующими изменениями он позаимствовал. Гуссерль был не единственным, кого следует вспомнить в связи с развитием взглядов Шюца. На этом я остановлюсь в первой части данной статьи. Выяснение философских, социологических и психологических основ его учения позволит нам перейти к анализу собственно его категориально-понятийного аппарата и типологизации последнего, хотя и не буду пытаться охватить все понятия или термины, введенные или получившие новую дефиницию в рамках новой системы. На реализацию этой задачи потребовалось бы слишком много места. К тому же ее познавательная целесообразность вызывает сомнения.

Сосредоточусь на построении типологической схемы, то есть группировке понятий в зависимости от их роли и функций в рамках феноменологической социологии. При этом основанием каждого типа будет центральная категория, с которой эти понятия находятся в отношении субординации и которая выполняет уже упоминавшиеся атрибутивные функции: **методологическую, синтеза знаний, эвристическую и логическую**.

Кроме того, я попробую выделить так называемую интегральную категорию. Поскольку среди основных категорий конкретной теоретической системы всегда можно выделить одну или несколько интегральных, то есть **системообразующих** категорий. Они служат фундаментом и как бы пронизывают теорию, синтезируя в себе остальные понятия и категории. Без таких интегральных категорий система утрачивает свое смысловое ядро, новизну и уникальность.

2

Итак, была рассмотрена трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля, функции и логика применения в ее рамках основных понятий, вошедших в социологический тезаурус. Однако, опираясь на полученные результаты, еще рано говорить о том, что философская база феноменологической социологии полностью выяснена. И, разумеется, этого недостаточно, чтобы понять интеллектуальную эволюцию Шюца и логику заимствования им терминов у других ученых. Для этого я должен кратко остановиться на этапах его творчества, которые можно выделить лишь схематично.

С самого начала будущего основателя феноменологической социологии интересовали проблемы социальной реальности и методологии социальных наук. Именно поэтому, по его собственному признанию, он стал серьезно изучать научное наследие Макса Вебера. В итоге многие понятия и идеи Вебера вошли в феноменологическую парадигму, существенно обогатив ее: концепция идеальных типов, принцип понимания (*Verstehen*), ана-

¹ Шульга А. Типология категориально-понятийного аппарата феноменологической социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 4. — С. 119–132.

лиз социального действия и субъективного смысла. Вместе с тем Шюц воспринимал идеи Вебера критично¹.

Свою единственную изданную при жизни большую работу — “Смысловое построение социального мира” — Шюц начинает так: “Истоки настоящей книги заключены в многолетней напряженной работе над теоретическими трудами Макса Вебера. В ходе этих штудий во мне укрепилось убеждение, что предложенная Максом Вебером постановка вопроса хотя и определила окончательным образом исходный момент всякой подлинной теории социальных наук, однако все же его анализ не проник в те глубинные слои, вхождение в которые только и позволяет справиться со многими важными задачами, вытекающими из самого метода гуманитарных наук” [1, с. 75]. По его мнению, Вебер слишком мало занимался вопросами методологического характера, предпочитая практические исследования. И самое главное: система немецкого социолога не свободна от двусмысленностей и само собой разумеющихся вещей. К примеру, Вебер не интересовался вопросами конституирования смысла, интерессубъективностью и вообще самой возможностью и основаниями образования смысла².

Приблизиться к ответу на эти вопросы помогают работы других мыслителей. Первым, кто должен бы помочь ему преодолеть теоретические недостатки веберовского анализа, стал Анри Бергсон. Именно у него Шюц заимствует понятие *durée* и понимание длительности сознания, акты которого осуществляются последовательно друг за другом и имеют темпоральный характер³. В этот (“бергсоновский”) период ученый пытался изучать сферы сознания. Результатом явилась концепция “жизненных форм” (*Lebensform*) [см. : 2; 3; 4]. Однако позже и бергсоновская система заводит Шюца в тупик. Впрочем, исследователи творчества Шюца соглашаются, что сосредоточенность на идеях Бергсона оказалась весьма плодотворной для его дальнейшего развития. Как отмечают в совместном предисловии к сборнику работ Шюца 1925–1929 годов Матиас Михайлов, Герд Зебальд и Илья Шрубар, это время понадобилось для подготовки социолога к восприятию идей Эдмунда Гуссерля [5]. То есть система Бергсона послужила своеобразным мостиком, благодаря которому Шюц приблизился к постижению трансцендентальной феноменологии Гуссерля. Прежде всего это касается работ Бергсона, посвященных темпоральности сознания и образованию смысла.

Кроме понятия *durée* Шюц в дальнейшем теоретизировании использует такой бергсоновский термин, как “внимание к жизни” (*attention a la vie*), концепцию разных порядков (*Ordnungen*) сознания и прагматического мотива жизни. К этим понятиям я буду неоднократно возвращаться.

1 Его позицию можно сравнить (лишь частично) с отношением Гуссерля к Декарту. Ведь Шюц также заимствует у Вебера отдельные методологические принципы и одновременно существенно переосмысливает и критикует за недостаточный радикализм в поиске теоретической истины.

2 Я не буду рассматривать все различия и адресованные Веберу критические замечания со стороны А.Шюца. Они по мере необходимости будут всплывать в моем анализе.

3 См.: *Bergson H. Materie und Gedächtnis: eine Beziehung zwischen Körper und Geist.* — Hamburg; Meiner, 1991.

Сейчас обратимся к генетической связи концепций Гуссерля и Шюца¹.

В своей статье “Гуссерль и его влияние на меня” Шюц отмечает, что поначалу ознакомление с трудами философа не принесло важных результатов — он не нашел ответов на интересовавшие его вопросы [6]. Все изменилось в 1928 году, когда увидела свет книга Гуссерля “Исследования внутреннего сознания времени” [7]. “Подготовленный своим изучением философии Бергсона, — пишет Шюц, — я сразу понял мышление и язык Гуссерля и, когда в 1929 году была опубликована “Формальная и трансцендентальная логика” ([8]. — *А.Ш.*), которая была сконцентрирована на проблеме интерсубъективности, осознал важность Гуссерлевого мышления по всем вопросам, которые меня интересовали” [6, с. 42].

Гуссерлев анализ темпорального характера сознания и его структур дополнил разработки Бергсона и имел большие познавательные возможности. Это позволяло вернуться к переосмыслению очерченных Вебером проблем методологии социальных наук — прежде всего образования смысла, конструирования символов и самого феномена понимания и взаимопонимания². Именно с этих позиций и было написано “Смысловое построение социального мира”. С тех пор Гуссерль и его влияние ощущаются в каждой работе основателя феноменологической социологии. Но несмотря на увлеченность и глубокое уважение к мыслителю, Шюц методично подвергал (конструктивной) критике многие элементы его системы. Прежде всего это касается попытки Гуссерля объяснить социальный мир (или “объединение высшего порядка”), трансцендентальную интерсубъективность не исходя из сферы трансцендентального Эго. Так же скептически относился социолог и к предложенному философом методу эйдетической редукции, который тоже не исходил из сферы чистого сознания. В статьях, рецензиях и размышлениях Шюц постоянно возвращается к этим вопросам [см., напр.: 9–21].

Преодолеть эти недостатки, по мнению ученого, можно, если выйти за пределы трансцендентально-редуцированной сферы (*Эго*) и перенести акцент анализа на мир повседневной жизни — “жизненный мир”, который индивид воспринимает в состоянии “естественной установки”³. Эти два понятия становятся системообразующими категориями теории Шюца и заслуживают отдельного внимания. Но сейчас, кратко резюмируя, выделю основные этапы эволюции социолога до 1932 года, когда была издана книга “Смысловое построение”.

Весьма наглядную и лапидарную схему предлагает американский ученый Майкл Барбер. Для него очевидно, что с начала своей академической карьеры (1919 год) Шюц основательно изучал Вебера, потом сосредоточился на трудах Бергсона (период датирован 1924–1928 годами), пока не ознакомился с манускриптами Гуссерля по проблемам темпоральности сознания и интерсубъективности [22, с. 223]. Итогом своеобразного синтеза прозрений и достижений этих трех ученых (разумеется, с преобладающим вли-

1 Эта проблема требует как минимум отдельной статьи, но из-за отсутствия места ограничусь только определением основных аспектов.

2 Разумеется, это далеко не полный перечень заимствованного Шюцем в Гуссерлевой трансцендентальной феноменологии.

3 Эти термины и их определения были рассмотрены в предыдущей статье.

янием Гуссерля) и стала упомянутая выше фундаментальная работа Шюца. Другой исследователь жизненного пути и творчества Альфреда Шюца, его бывший ученик Гельмут Вагнер вообще считает, что в книге были очерчены все основные темы и проблемы его системы, а последующие работы лишь служили их углублению и переосмыслению [23, с. 69]¹. Того же мнения еще один выдающийся ученик Шюца — Томас Лукман [см.: 25, с. 14].

После трех выделенных этапов можно перейти к следующему — “американскому”. С 1940-х годов Шюц, вынужденный эмигрировать в Соединенные Штаты, оказался в совершенно новой интеллектуальной среде, открыл для себя новые концепции и теории.

Первый, кого необходимо назвать, учитывая значимость и влияние на Шюца, — это психолог Уильям Джеймс². Внимание к американскому мыслителю объясняется интересовавшими его проблемами. Подобно Бергсону и Гуссерлю, Джеймс изучал механизмы мышления. Одним из главных понятий, которые у него позаимствовал и часто использовал Шюц, является “поток мышления” (stream of thought)³. Сознание в понимании Джеймса имеет характер потока, в котором мыслительные акты происходят друг за другом⁴. Подобно Бергсону и Гуссерлю (а также Дьюи⁵ и Уайтхеду⁶), Джеймс анализировал структуры повседневного знания, опыта, а также их непроблематизированность.

Наиболее ценными для шюцевского анализа оказались разработки Джеймса, посвященные разным уровням и видам знания, таким как “ознакомленность” (knowledge of acquaintance), которая характеризуется поверхностностью, и “знание” (knowledge about), которое характеризуется большей глубиной, ясностью и четкостью. Так же важны понятия “интереса”, “темы” и “обрамления” (последнее тесно связано с термином “горизонт” Гуссерля), которые очерчивают основные аспекты анализа прагматическо-

¹ Анализ работ Шюца см. также: [24]. Среди украинских исследователей, изучающих проблемы феноменологической социологии, в частности теоретическое наследие А.Шюца, следует назвать В.Бурлачука и В.Кебуладзе (см., напр.: *Бурлачук В.Ф.* Феноменологічна соціологія: досвід аналізу повсякденного світу // Соціологічна теорія: традиції та сучасність / За ред. А.Ручки. — К., 2007. — С. 176–202; *Кебуладзе В.І.* “Структури життєсвіту” на перетині трансцендентальної феноменології та феноменологічної соціології // *Шюц А., Лукман Т.* Структури життєсвіту. — К., 2004. — С. 540–548).

² См.: *James W.* Pragmatism. The meaning of Truth: a sequel to Pragmatism. — Cambridge, 1978. — P. 369; *James W.* A Pluralistic Universe. — Cambridge, 1977. — P. 488.

³ См. специально посвященную этому понятию Шюца статью Джеймса Шюца: *Schütz A.* William James' Begriff des “Stream of Thought” phänomenologisch interpretiert // *Gesammelte Aufsätze.* — Haag, 1971. — Bd. 3. — P. 32–46.

⁴ Как видим, это понятие хорошо стыкуется с Бергсоновым “durée” и Гуссерлевым внутренним сознанием времени.

⁵ См., напр.: *Dewey J.* How we think: a Restatement of the Relation of Reflective Thinking to the Educative Process. — Boston, 1998.

⁶ *Whitehead A.N.* Science and the Modern World. — Cambridge, 1953. — P. 265; *Whitehead A.N.* Prozess und Realität: Entwurf einer Kosmologie. — Frankfurt am Mein, 1995. — P. 665.

го мотива повседневной жизни, а также помогают перейти к анализу разных “подмиров”¹.

Огромное значение этих исследований становится очевидным при непосредственной типологизации категориально-понятийного аппарата Шюца. Здесь лишь упомяну некоторых мыслителей, которые повлияли на основателя новой парадигмы и чьи концепции он критически переосмыслил либо адаптировал к своим теоретическим целям.

Дж.Г.Мид — второй по силе влияния на Шюца американский психолог². Его психологическая теория (особенно концепция *I and Me*), по словам Шюца, близка к феноменологической психологии. Особым достижением Мида социолог считал исследования “манипулятивной сферы”, то есть сферы достижимости индивида, на которую он может непосредственно влиять и которая оказывает ему сопротивление [26, с. 223]. Именно эта манипулятивная сфера конституирует ядро реальности повседневной жизни. Кроме того, разработки ученого дополняли концепты идеальных типов, социальных ролей и социализации³.

Нельзя не вспомнить в этом контексте и операционализм Дьюи, который много привнес в понимание Шюцем “действия”, “проекта действия” и выбора между ними⁴.

Обращаясь к философской почве, упомянем теорию воления Лейбница и теорию Шеллера как дополнение к анализу прагматичного мотива, а также шеллеровский анализ *Alter Ego* и разных типов знания⁵.

Разумеется, это далеко не полный перечень мыслителей, чьи достижения интегрированы в систему Шюца и потому с необходимостью всплывут в моем дальнейшем анализе. Я пытался назвать только самых важных. Впрочем, следует особо подчеркнуть: Шюц всегда критически и основательно пересматривал теории предшественников, отбирая и переосмысливая лишь те элементы, которые могли углубить его собственные рассужде-

1 Этот термин Джеймса имеет много общего с “порядками” Бергсона. В свою очередь, Шюц, заимствуя главную идею, изменяет термин: “...мы скорее будем говорить не о множественных подмирах реальности, а о *замкнутых сферах* значений, каждую из которых мы можем наделить акцентом реальности. Мы говорим о сферах реальности, а не о подмирах потому, что именно значение наших переживаний, а не онтологическая структура объектов, конституирует реальность” [26, с. 230].

2 Можно добавить, что это утверждение Шюца является продолжением знаменитой формулы У.Томаса о реальности того, что определено как реальное (см.: *Thomas W.I. On Social Organization and Social Personality*. — Chicago, 1966). См., напр.: *Mead G.H. Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviourist*. — Chicago, 1967; *Philosophie der Erziehung*, Bad Heilbrunn, Klinkhardt, 2008.

3 Научные достижения Мида широко использовали также ученики Шюца, в частности Бергер и Лукман в “Социальном конструировании реальности” [27].

4 Это, в частности, связано с шюцевскими “*modo future exacti*”.

5 См.: *Schütz A. Max Schelers Philosophie // Gesammelte Aufsätze*. — Haag, 1971. — Bd. 3. — P. 171–183; *Schütz A. Max Schelers Erkenntnistheorie und Ethik // Gesammelte Aufsätze*. — Haag, 1971. — Bd. 3. — P. 184–219.

ния. Он никогда не сворачивал с пути всестороннего изучения основ социальных наук и социального сосуществования индивидов¹.

3

После предварительных замечаний можно приступить к выполнению главной задачи — типологизации понятийно-категориального аппарата системы А.Шюца. Разумеется, интерпретация и переосмысление чужого понятийно-категориального аппарата рискуют обернуться схематизмом, редукционизмом, а то и ложными толкованиями. Тем не менее такая попытка стоит того, чтобы ее осуществить. Ведь в истории социологии назрела потребность в подобного рода упорядочении. Оно поможет лучшему пониманию не только конкретной теоретической системы, но и определенной методологии и способа мышления, каковыми является феноменологическая социология. К тому же это будет способствовать ее дальнейшему развитию и дополнению, что предполагает любая жизнеспособная теория. В основу каждого элемента типологии, каждой группы понятий мной будет положена определенная категория, с необходимостью обладающая упомянутыми выше атрибутивными функциями. Согласно сфере проблем, с которыми связана центральная категория и принадлежащие к ней понятия, выделенный элемент типологии (группа понятий) будет получать соответствующее название. Сразу же отмечу, что речь пойдет о шести основных группах. Но в плане количества возможны разные мнения. К примеру, Ричард Гратхофф в известной работе “Среда и жизненный мир”, анализируя наработки Шюца, выделяет в них три больших сферы: теорию социального действия, социологию повседневности и типичу и релевантность [28, с. 32].

Частично соглашаясь с этим ученым, я начну с анализа первой группы понятий — **операциональной**. В нее войдут понятия, которые соотносятся с понятием “действие”, которое вполне логично будет центральной категорией этого типа. “Термин “действие” (action), — подчеркивает Шюц, — будет означать предварительно продуманное действующим человеком поведение, то есть поведение, основанное на заранее составленном проекте. Термин “дело” (act) будет означать результат протекающего процесса, то есть завершенное действие” [29, с. 19–20].

Сосредоточенность на анализе понятия “действие” хорошо иллюстрирует влияние Вебера на концепцию Шюца. Приведенная выше дефиниция так же хорошо показывает и критическое отношение феноменолога к наследию Вебера². Ведь в отличие от Вебера он определяющей характеристикой

¹ Весьма показательное следующее высказывание: “...многие выдающиеся свершения в логике, которыми наше поколение обязано операционализму Дьюи и прагматизму Джеймса, могут получить подтверждение только при обращении к сфере допредикативного опыта”. Шюц, признавая заслуги предшественников, не колеблясь подчинял все собственным целям и методологическим основаниям [15, с. 129].

² Со своей стороны Шюц пытался начать научный диалог с другим серьезным исследователем “социального действия” — Талкотом Парсонсом. Он был уверен, что подобное сотрудничество может оказаться весьма плодотворным. Однако эта попытка не имела успеха. Парсонс не воспринял критику, и диалог оборвался. Универсально-системная

действия считает не смысл, а наличие проекта¹. Проект действия тесно связан с понятием “мотив”. По признаку направленности Шюц выделяет два типа мотивов: *мотив для-того-чтобы* (Um-Zu Motiv) и *мотив потому-что* (Weil Motiv). Первый всегда присущ действию как побуждение к нему, как проект — положение дел, которого действующее лицо хочет своей активностью достичь. Поэтому актер перед осуществлением действия всегда очерчивает его ход и результат в своем воображении. Этот эквивалент реального действия, но пока совершенного только в воображении, феноменолог называет modo future exacti. Что касается мотива *потому-что*, то этим выражением обозначаются все мотивы, побуждающие к действию через аккумулярованный в них прошлый опыт деятеля². То есть мотивирующее переживание уже завершилось, и для понимания самого мотива нужно обратиться рефлексивный взгляд в прошлое. Такое мышление (в отличие от обращенного на совершение в будущем) Шюц называет мышлением modo plusquamperfecti. К понятию мотива и его разновидностей я еще вернусь при рассмотрении шюцевских разработок проблемы релевантности. А сейчас продолжим рассмотрение понятий, входящих в операциональную группу.

Вслед за Вебером Шюц делает предметом анализа “социальную деятельность” (soziales Handeln) и “социальное поведение” (soziales Verhalten), но ставит другой акцент. Рассмотрев эти два понятия, он вводит третье, которое подводит к их пониманию. Речь идет об *интенционально соотнесенных с alter ego переживаниях сознания* (intentional auf ein alter ego bezogenen Bewußtseinserlebnissen). Это понятие должно заменить не достаточно проясненное веберовское понятие соотнесенности деятельности с поведением других или соответствующей ориентации деятельности³.

В случае спонтанной активности в сознании актора переживаний, интенционально соотнесенных с Другим, Шюц говорит о социальном *поведении*. В случае, когда подобные переживания обусловлены предварительным замыслом, — о *социальной деятельности*. Но Веберово понятие социальной деятельности автор феноменологической социологии переформулировал, исходя из собственных методологических установок. То, что немецкий мыслитель называл социальной деятельностью, Шюц обозначает понятием “социальное воздействие” (soziales Wirken), несколько изменяя его дефини-

методология Парсонса и Шюцева феноменологическая не нашли общей почвы. Интересно, что сам Шюц считал: методологические расхождения между ними не так уж велики (см.: [30]).

1 Шюц, пытаясь углубить рассмотрение, использует для анализа действия наряду с термином “проект” (Entwurf) понятие “намерение” (Vorsatz). Разные их комбинации порождают разные виды действия. Однако действие, у которого есть “проект”, но отсутствует “намерение”, — это, по сути, фантазия (см.: [31, с. 134]; см. также: Schütz A. Das Wählen zwischen Handlungsentwürfen // Gesammelte Aufsätze. — Haag, 1971. — Bd. 1. — S. 77–112.

2 Шюц в качестве примера мотива *потому-что* указывает на поведение преступника: “Мы можем сказать, что убийца был мотивирован совершить свое злодеяние тем, что вырос в той или иной среде и имел такой-то детский опыт” [29, с. 22].

3 Напомню только определение “социального действия” по Веберу: ““Социальным” мы назовем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него” [32, с. 1].

цию. Ведь социальное воздействие означает, что оказывающий его актор должен обратиться к переживаниям сознания *alter ego*, а само это обращение обусловлено мотивационным контекстом. При этом переживание сознания *alter ego* актор, оказывающий воздействие, предвидит в замысле — имеет место уже упоминавшееся мышление *modo future exacti*. “Подводя итоги нашей критики предложенного Вебером фундаментального понятия социальной деятельности, — пишет социолог, — выясняем, что нам удалось выстроить последовательную линию понятий, от понятия интенционально соотнесенных с *alter ego* переживаний сознания через социальное поведение и социальную деятельность к социальному влиянию” [1, с. 298].

При рассмотрении категории “действие” и связанных с ней понятий я сознательно не касался такого важного понятия, как смысл (включая все его модификации). Это объясняется тем, что оно образует основу другой группы, к которой я обращаюсь позже. А пока перейдем к следующему элементу типологии.

4

Вторая группа понятий получила название группы **релевантности**. Данный порядок типологизации вытекает из логики предлагаемого анализа: сначала рассмотреть отдельно деятельность актора и имеющиеся у него инвариантные системы релевантности. Только после этого можно перейти к конституированию смысла, интересубъективности и, наконец, — жизненному миру.

Релевантность Шюц разбивает на три категории. Первая — *тематическая релевантность* (*topical relevance*). “Первая форма релевантности, — дает определение Шюц, — такова: при ее помощи предмет конституируется как проблематичный в пределах неструктурированного поля непроблематичного знакомства, и таким образом поле структурируется на тему и горизонт. Эту форму релевантности мы будем называть *тематической*” [33, с. 26]¹.

Из этой дефиниции видим, что автор для определения тематической релевантности использует два понятия: *тему* и *горизонт*². *Темой* (*topic*) становится объект, который при определенных обстоятельствах (которые мы рассмотрим ниже) стал для нашего сознания проблематичным. А понятие *горизонт* (*horizon*) Шюц вслед за Гуссерлем разделяет на два значения: на внешний (*outer*) и внутренний (*inner*) горизонт. Первое понятие можно назвать экстенсивным, поскольку оно обозначает все множество объектов, которые сопровождают актуальную тему и поэтому находятся вместе с ней в поле сознания. Второе — интенсивное, поскольку означает возможность дальнейшего углубления в уже выделенную тему. Это, в свою очередь, становится источником для выделения новых тем.

Саму тематическую релевантность социолог делит на *навязанную* (*imposed*) и *внутреннюю* (*intrinsic*). *Навязанной* тематическая релевантность является в случае незнакомости некоего объекта, тогда как *внутренняя* ре-

¹ По этому поводу см. также: *Schutz A. Relevance: Knowledge on Hand in Hand* [34]; *Schutz A. Outline of a Theory of Relevance // Collected Papers*. — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 3–5.

² Как отмечалось, эту концепцию он позаимствовал у Уильяма Джеймса и Эдмунда Гуссерля.

релевантность сопровождается активностью сознания — его выборочным вниманием. Хотя здесь сразу нужно заметить, что к двум другим видам релевантности Шюц применяет такое же различие. Кроме того, навязанная и внутренняя релевантности являются идеальными типами, следовательно, в чистом виде почти не встречаются. Граница между ними тоже не жесткая.

Следующим видом релевантности, который выделяет Шюц, является *интерпретативная релевантность* (interpretative relevance). Характеризуя эту систему, основатель феноменологической социологии подчеркивает, что она основана на принципе совместимости, то есть объекты, которые становятся предметами внимания сознания, либо могут быть, либо не могут быть отнесены к имеющимся интерпретативным схемам. В последнем случае объект становится предметом тематической релевантности.

В связи с интерпретативной релевантностью необходимо упомянуть еще два функционально связанных понятия: *знакомость* (familiarity) и *типичность* (typicality). “Знакомость” некоего объекта означает возможность отнести его (в зависимости от признаков) к уже закрепленному в сознании типу.

Третьей и последней категорией релевантности является *мотивационная релевантность* (motivational relevance). “Корректный... интерпретативный выбор, — объясняет Шюц, — явным образом определяет конкретное поведение человека. Он будет вести себя по-разному в зависимости от того, какой выбор он сделает; то есть в каждом случае он будет ставить разные цели, которых ему следует достичь своими действиями, и, соответственно, прибегнет к различным средствам, чтобы достичь желаемого положения дел. ...Мы назовем этот тип релевантности мотивационным” [33, с. 46].

Здесь нужно опять вернуться к шюцевскому пониманию мотива и различению мотивов *для-того-чтобы* и *потому-что*. Ведь этот тип релевантности связан с направленностью сознания и восприятием объектов. В зависимости от мотивационных структур объект может становиться темой, либо *для-того-чтобы* актер достиг определенной цели, либо *потому-что* это обусловлено предшествующим опытом актора. Здесь хорошо видна взаимосвязь всех трех видов релевантности. С одной стороны, у человека, действующего в социальном мире и имеющего практический интерес к нему, всегда есть мотивы. В соответствии с ними он проектирует свою деятельность (эта определяющая характеристика социального действия рассмотрена в предыдущей группе понятий). Поэтому деятельность всегда обусловлена мотивами *для-того-чтобы* или *потому-что*. Отсюда сконцентрированность на том или ином объекте, помещение его в центр внимания обусловлено мотивационной релевантностью. С другой стороны, сами эти мотивационные структуры являются продуктами предыдущего конституирования. “Мои мотивационные релевантности, — пишет Шюц, — являются осадком (sedimentation) прошлых тематических и интерпретативно релевантных восприятий..., приводящих к постоянному привычному обладанию знанием” [33, с. 55]. То есть имеет место двойная связь. Мотивационная релевантность обуславливает возникновение определенной темы. В свою очередь, внутренний горизонт, сопровождающий каждую тему, ведет к возникновению все новых и новых тематических релевантностей, а заодно и к изменениям в мотивационных структурах. Все это заставляет Шюца подчеркнуть: ни одна из трех категорий релевантности не достигает верховного положения. Вместо этого они пребывают в отношении координации и частичного пересечения. Вооб-

ще взаимодействие между ними, исходя из шюцевской схемы, можно назвать диалектическим.

Завершая рассмотрение этой группы понятий, сделаю несколько замечаний. Прежде всего, этот анализ систем релевантности не учитывает интрасубъективного аспекта, то есть влияния, которое оказывают на них со своей стороны акторы в процессе коммуникации или взаимодействия. К этому можно будет вернуться при рассмотрении соответствующего элемента типологии. К тому же проблема релевантности послужила Шюцу для перехода к более серьезному анализу — конституирования, закрепления и структурирования повседневного знания. Помня о цели данной статьи, после релевантности я не сразу перейду к типологизации понятий, связанных со знанием, а сначала обращусь к одной из главных категорий феноменологической социологии и связанных с ней понятий — к “смыслу”.

5

Третьей группой будет **семантическая**, в которой центральной категорией является *смысл*. Детальный анализ этого понятия основателем феноменологической парадигмы в социологии предварительно можно объяснить влиянием Макса Вебера. Однако Шюц и здесь весьма основательно переосмысливает и критикует идеи основателя понимающей социологии. “Он (Макс Вебер. — А.Ш.) не задается вопросом об особом способе конструирования смысла для действующего лица, — пишет Шюц, — как и о том, какие изменения претерпевает этот смысл для партнера в социальном мире или для невключенного наблюдателя, не задается вопросом и о своеобразной фундаментальной связи между собственной и чужой психикой, — связи, без прояснения которой невозможно точное описание феномена “понимания Чужого”” [1, с. 87–88].

Это то фундаментальное само собой разумеющееся, которое проникло в систему Вебера и помешало достичь понимания тех глубинных уровней социальности, которые становятся предметом феноменологической социологии. Ведь ученый принимает как данность существование интрасубъективности и потому не анализирует процессы конституирования и конструирования смысла.

На вопросы, от которых уклонился Вебер, Шюц пытается дать ответ в единственной фундаментальной работе, изданной при его жизни, — “Смысловом построении социального мира”. Начинает он с рассмотрения конструирования субъективного смысла. Только после выяснения механизма этого процесса в индивидуальном сознании можно перейти к сфере интрасубъективного конструирования. Чтобы решить эту задачу и преодолеть недостатки веберовского толкования понятия “смысл”, феноменолог обращается к разработкам своих предшественников — Э.Гуссерля и А.Бергсона. Именно анализ понятия “внутреннее сознание времени” первого исследователя и бергсоновского понятия “*durée*” позволяют вывести новую дефиницию “смысла. “Ведь, — подчеркивает социолог, — *...проблема смысла — это проблема времени*, правда, не физического пространства-времени, ...а времени “внутреннего временного сознания”, сознания соответствующей протяженности, в которой для субъекта переживания конституируется смысл его переживаний. Только в этом наиболее глубоком доступном рефлексии

пласте переживаний... обнаруживаются первоисточки феноменов “смысла” и “понимания” [1, с. 93].

То есть мы снова возвращаемся к понятию трансцендентальной феноменологии Гуссерля — “*внутреннее временное сознание*” и пониманию им потока переживаний. Согласно идее философа, переживания индивида происходят друг за другом, и каждое новое реферирует к прошлому, образуя с ним связь. Образование смысла происходит при референции рефлексивного взгляда к прошлому переживанию. Оно выделяется из потока переживаний и потому обозначается термином “*очерченное переживание*” (*wohlumgrenztes Erlebnis*)¹. Само же выделение происходит благодаря прагматическому мотиву, поэтому образование смысла всегда связано с практическим аспектом жизни социального актора. Таким образом Шюц выводит начальное определение “смысла”, и тот предстает в виде результата рефлексивного выделения определенного переживания из общего потока, который, в свою очередь, прагматически обусловлен. Как утверждает сам автор, “это обозначение определенного угла зрения при взгляде на собственное переживание” [1, с. 127]. Впрочем, это определение необходимо уточнить, и Шюц делает это в дальнейшем анализе. Прежде всего понятие “субъективный смысл” он понимает иначе, чем Вебер. Главная ошибка последнего — это уверенность в том, что пониманию партнера актора или наблюдателя полностью доступен смысл, конституируемый *его*. Ведь каждый индивид имеет собственную перспективу восприятия социального мира, и об этом речь пойдет при дальнейшем рассмотрении. Здесь же из данной позиции вытекает еще одно критическое замечание: субъективный смысл всегда связан с ситуацией, в которой находится индивид — с так называемыми “Так-и-Сейчас” (*So-und-Jetzt*), в условиях которых происходит смыслообразование. То есть мы снова возвращаемся к прагматическому аспекту, отражающему актуальные потребности индивида и обуславливающему рефлексивный взгляд на поток переживаний. Итак, смысл образуется благодаря рефлексивному взгляду или установке.

И здесь нужно упомянуть еще о двух понятиях, которые с необходимостью переходят из трансцендентальной феноменологии в новое течение в социологии.

Вслед за Гуссерлем Шюц разбивает рефлексю на “*политетическую*” (*polythetische*) и “*монотетическую*” (*monothetische*) как два способа, которыми разум может схватывать смысл своих предшествующих восприятий. Политетическая рефлексия отличается способностью реконструировать прошлые переживания шаг за шагом в процессе внутреннего времени. В таких условиях *его* снова как бы пересматривает смыслотворческую активность. Благодаря этому первичный смысл и его дальнейшие модификации являются проясненными для самого индивида. Монотетическая рефлексия, наоборот, не требует такого подробного и пошагового обращения к прошлому. Все переживания охватываются в их совокупности, и разум получает уже политетически сконструированный смысл.

¹ Шюц особо подчеркивает, что в смыслотворчестве участвуют исключительно прошлые переживания, только те, которые могут стать предметом внимания рефлексивной установки.

Здесь необходимо отметить, что монотетически *ego* может схватывать как продукты собственной смыслотворческой активности, так и *чужие* смыслы. Впрочем, если в первом случае у нас есть возможность выбирать между политетической и монотетической рефлексией, то во втором такого выбора нет. Ведь *ego* не может проникнуть во внутреннее временное сознание *alter ego*. В противном случае, как уже отмечалось, оно было бы частью *Другого* — а это уже бессмыслица.

Понятие “монотетического”, таким образом, тесно связано с пониманием процесса образования запаса знания. Последнее станет центральной категорией еще одной группы понятий. Сейчас нужно лишь предварительно обозначить связь между монотетическим схватыванием и запасом знания. “Лишь небольшая часть нашего запаса наличного знания, — подчеркивает Шюц, — возникает в нашем личном опыте. Гораздо большая часть имеет социальное происхождение, возникает в опыте других и передается мне коммуникативным путем... Это знание, полученное от других, ...становится моим привычным обладанием, часто принимаемым в качестве само собой разумеющегося, то есть схватываемым монотетически безо всяких попыток с моей стороны осуществить политетическую реконструкцию шагов, приводящих к монотетически схватываемому значению” [33, с. 84]. Кроме того, понятие “монотетического схватывания” смысла как способа понимания чужого смысла делает возможным переход от “субъективного” к “объективному смыслу”.

Нужно еще раз подчеркнуть, что пока мы остаемся в сфере субъективности. Интросубъективное конструирование и “интросубъективность” вообще я буду рассматривать далее.

Итак, определяющие характеристики понятия “субъективный смысл” уже выяснены. Что касается “объективного смысла”, то этот термин имеет несколько значений.

Для любого субъекта смысл, порожденный сознанием его партнера, является объективным (в отличие от собственного — субъективного). Этот смысл дан мне единственным способом, а именно благодаря монотетической рефлексии. Поток переживаний и смысловой контекст *Другого* — недоступны для меня. Поэтому, снова повторяю, политетически смысл доступен лишь *ego*, которое его породило¹. Еще одно понимание объективного смысла вытекает из универсальности того или иного значения. То есть мерой объективности является понятность некоего высказывания безотносительно к лицу, его высказывающему, и самой ситуации коммуникации. В этой связи следует упомянуть о понятии, которое образует с “объективным высказыванием” бинарную оппозицию. Это — “окказиональное высказывание”. В процессе коммуникации его можно адекватно понять только с учетом коммуникатора и уже упоминавшихся “Так-и-Сейчас” ситуаций взаимодействия.

¹ Важно указать на особую коннотацию, которую содержит термин “объективный” в шюцевской системе. В обыденном сознании, и этому весьма способствовала позитивистская методология, укоренилось отождествление “объективного” с “истинным”. Шюц же настаивает: под “объективным” имеется в виду совсем другое. Его он рассматривает в противопоставлении с “субъективным”, и именно через последнее “объективное” получает свое определение.

Мы рассмотрели понятия, связанные с “субъективным смыслом”, и их связи. Однако смысл является еще и интерсубъективным феноменом. Выше уже говорилось о “объективном смысле” как порожденном *alter ego* и потому недоступном *ego* во всей его полноте. Однако понимание и взаимопонимание происходят. И как это происходит, помогает понять другая фундаментальная категория трансцендентальной феноменологии, вошедшая в социологическое употребление, — “интерсубъективность” (Intersubjektivität).

Непосредственно поток внутренних переживаний нашего партнера нам недоступен. Он дан *ego* опосредованно. Чтобы понять это, необходимо вернуться к Гуссерлевой теории аппрезентации¹. Наряду с ней Шюц использует понятие “*общий тезис взаимности перспектив*” (the general thesis of the reciprocity of perspectives). Оно, в свою очередь, распадается на две идеализации. Сами они являются ключевыми, когда мы говорим о возможности взаимопонимания в социальном мире.

Первая идеализация — *идеализация взаимозаменяемости точек зрения* (the idealization of the interchangeability of standpoints). “Основополагающая аксиома всякой интерпретации общего мира и его объектов, — отмечает ученый, — состоит в том, что эти разные сосуществующие системы координат могут быть преобразованы друг в друга; я считаю само собой разумеющимся (и полагаю, другой делает так же), что я и он имели бы типично тождественные переживания общего мира, если бы мы поменялись местами, преобразовав тем самым мое Здесь в его, а его Здесь, которое сейчас меня Там, в мое” [35, с. 315–316]. Таким образом между актерами устанавливается первая фундаментальная связь.

Образование второй связи обозначает *идеализация совпадения систем релевантности* (the idealization of the congruence of the systems of relevance). “Я принимаю... как само собой разумеющееся (и полагаю, другой делает так же), — характеризует ее Шюц, — что для достижения наличной цели различиями, проистекающими из наших частных систем релевантности, можно пренебречь, и что я и он... интерпретируем... объекты, факты и события “эмпирически тождественным” образом, достаточным для всех практических целей” [35, с. 316]. Только приняв эти два положения, человек может взаимодействовать с другими социальными актерами, только тогда становится возможным взаимопонимание. Впрочем, сделать это человеку несложно, ведь с момента своего рождения и в процессе социализации эти идеализации интернализируются, превращаясь в фундаментальные структуры его

¹ Согласно ей необходимо различить *ego* как чистое сознание и тело как психофизическую структуру, явленную в этом мире. Нашему *ego* непосредственно дано только тело *Другого* и его проявления. Вывод о наличии *ego* у этой психофизической структуры наше *ego* делает по аналогии. Ведь нашему *ego* присуща такая же психофизическая структура. Поэтому “аппрезентацию” Гуссерль еще называет “аналогизирующей апперцепцией”.

Кроме того, Шюц кладет теорию аппрезентации в основу понимания образования знаков и символов. Поскольку отношения между определителем и определяемым также осуществляется по принципу аналогизирующей апперцепции. “Мы, — пишет по этому поводу Шюц, — можем переопределить символическое отношение как аппрезентативное отношение между сущностями, принадлежащими по крайней мере к двум конечным областям значения, в котором аппрезентирующий символ является элементом верховной реальности повседневной жизни” [35, с. 343].

опыта. А значит, интерсубъективное конструирование смыслов не является для него проблемой¹.

Можно подытожить результаты анализа группы понятий, связанных со смыслом.

Сначала определялась исходная дефиниция категории “смысл”. Далее была рассмотрена шюцевская критика и модифицированное понятие “субъективный смысл” и связанная с ним группа понятий. На основе полученных результатов от смыслообразующей активности отдельного *ego* я смог перейти к “объективному смыслу” и пониманию смысла как интерсубъективного феномена. Последнее открыло путь к рассмотрению следующих групп понятий. Прежде всего речь идет об образовании знания как субъективной и интерсубъективной активности. После анализа этой “эпистемиологической” группы и с учетом предыдущего материала стал возможен переход к “онтологической” и “гносеологической” группам. Именно в двух последних синтезированы все предыдущие наработки.

6

Следующая группа — **эпистемиологическая**; центральной категорией в ней является *запас знания* (*Wissensvorrat*)². Важно сразу же подчеркнуть, что основное внимание феноменолог концентрирует на процессе образования субъективного запаса знания. Он пытается отыскать инвариантные структуры опыта и механизмы его конструирования и закрепления.

Начнем с определения: запас знания является результатом седиментации (осаждения) в нем предшествующих опытов. Уже неоднократно говорилось о том, что последние идут друг за другом во внутреннем временном сознании и связаны между собой. Причем этот порядок отличается уникальностью. Эту неповторимость субъективного запаса знания каждого отдельного актора Шюц обозначает понятием *биографическая ситуация* (*biografische Situation*). Даже если взять двух индивидов, переживавших одни и те же события и находившихся в одинаковых жизненных условиях, их запасы знания все равно не будут тождественны. Это диктуется тем фундаментальным обстоятельством, что каждый из них воспринимает себя как центр этого мира, а значит, и собственную систему координат считает такой, во-

¹ Проблемой является скорее нахождение этих двух базисных, но из-за этого незаметных само собой понятных вещей, которые делают возможным само существование социального мира.

² Проблеме знания и его образованию Шюц уделял достаточно много внимания в своем анализе. Кроме того, он неоднократно читал курсы в университете, посвященные проблемам социологии знания. Но несмотря на это, по словам Томаса Лукмана, он так и не разработал собственной социологии знания с точки зрения феноменологической методологии, а лишь очертил ее основные направления. Их развитием и углублением занялись уже ученики Шюца. Воплощением стала известная работа — “Социальное конструирование реальности” [27].

То же можно сказать об анализе Шюцем языка. Он также много внимания уделял этому вопросу [36; 37; 38] и тоже читал курсы в университете по социологии языка. И снова можем констатировать, что он начертил лишь основные линии, которые продолжили его ученики. См., напр.: *Luckmann T. The Sociology of Language. — Indianapolis, 1975.*

круг которой упорядочивается мир. Поэтому это мое Здесь (hic) будет его Там (illic) и наоборот. Значит, и наши переживания будут отличаться¹.

Вообще-то приведенный пример — явление крайне редкое, и обычно социальные акторы имеют существенно разные жизненные обстоятельства, и в поле их внимания в основном попадают различные события. Потому и биографические ситуации оказываются совершенно разными. Отсюда вводится еще одно понятие — *сфера достижимости*. Ведь индивиды в зависимости от биографической ситуации и обстоятельств имеют различные сферы достижимости. Актуальная достижимость окружена сферами потенциальной достижимости, которые, в свою очередь, делятся на секторы воспроизводимой достижимости (которые уже были предметом нашего внимания) и сферу доступной достижимости (которая в определенных условиях вполне может попасть в поле нашего внимания и стать актуальной).

Таким образом, *ego* постоянно находится в ситуации знания или знания о незнании. Критерием здесь служит вышеупомянутая “*знакомость*” (*Vertgautheit*) — понятие, с которым органично связана “*типика*” (*Typik*). Каждое новое переживание — отсылается к предыдущему. Это подчеркивал еще Гуссерль. Точнее было бы сказать, что каждое новое переживание отсылается к определенному типу, конституированному в прошлом. Типика обозначает тот факт, что весь наш запас знания состоит именно из таких типов. То есть образование запаса знания — это *типизация* (*Typisierung*). Впрочем, здесь возможно несколько вариантов. Новое переживание может быть либо полностью идентичным прошлому, либо частично идентичным, и потому его можно отнести к одному из уже имеющихся типов. При этом последний, учитывая этот новый единичный опыт, модифицируется. Кроме того, переживание может оказаться совершенно незнакомым. В таких условиях вынужденно создается новый тип. Из этого видно, что процесс образования запаса знания продолжается постоянно — создаются новые и модифицируются старые типы.

Вместе с тем созданные типы при определенных условиях тяготеют к постоянству. Учитывая это, Шюц делит запас знания на *основные элементы* (*Grundelemente des Wissensvorrats*) и *привычное знание* (*Gewohnheitswissen*). “... Основные элементы запаса знания и привычное знание, — подчеркивает социолог, — имеют разное происхождение. Привычное знание возникает из полученных и специфических элементов знания в отличие от универсальных и “автоматических” основных элементов запаса знания... Привычное знание состоит из элементов, которые поначалу были упорядочены по степени близости... Однако в соответствующей структуре запаса знания они сразу же рутинизируются — занимают место, похожее на место основных элементов запаса знания” [25, с. 174]. То есть основными элементами являются такие типы, которые из-за своей безусловности рутинизируются и становятся само собой разумеющимися, или, как охарактеризовал это Шюц, “автоматическими”. В качестве примера основных элементов знания можно упомянуть две идеализации — “о взаимозаменяемости точек зрения”

¹ Выше мы отмечали, что благодаря тезису взаимозаменяемости перспектив и двум идеализациям, которые из него вытекают, это абсолютно не мешает пониманию и компромиссу между акторами. Здесь речь идет только об обусловленной разностью систем координат и биографической ситуации разнице субъективных запасов знания.

и “совпадении систем релевантности”. Они являются знанием: непроблематичным, фундаментальным и таким, на основе которого возможно социальное сосуществование. Тогда как привычное знание может изменяться в результате обусловленной определенными обстоятельствами практического характера проблематичности. И только те типы, которые со временем доказывают свою действенность, переходят в разряд “автоматических”, становятся постоянными структурами опыта, а лучше бы сказать, “рецептами” (Rezeptwissen) решения тех или иных практических проблем.

Здесь мы подходим к роли прагматического аспекта в образовании запаса знания и к связи последней категории с категорией “релевантность”. Рассматривая группу понятий, связанных с релевантностью, я отмечал, что Шюц выделяет три ее системы: тематическую, мотивационную и интерпретативную. Именно интерпретивная релевантность непосредственно касается запаса знания, что следует из самого ее определения. Что же касается прагматического аспекта, то он вытекает из мотивационной релевантности, которая, в свою очередь, задает тематическую. “Из этого, — резюмирует Шюц, — следует то, что могут существовать не просто типы (являющиеся частями запаса знания. — *А.Ш.*), а лишь ориентированные на проблемы типы. Каждый тип указывает на свое конституирование, “исходное” проблемное положение, ...конституированное в общей игре трех систем релевантности” [25, с. 279].

Завершая рассмотрение субъективного запаса знания, необходимо вспомнить еще одну его важную черту — оно характеризуется противоречивостью, непрозрачностью и неупорядоченностью. Противоречивость разных элементов запаса знания диктуется тем, о чем подробно говорилось в предыдущем разделе: монотетическим схватыванием чужих смыслов. Ведь наш запас знания благодаря всем институтам социализации состоит преимущественно из знания, полученного другими. Поскольку эти чужие смыслы познаются нами в основном монотетически, без возможности их политетического реконструирования, это результируется в накоплении в нашем запасе знания различных рецептов и смыслов, которые не обязательно совпадают между собой, а иногда являются прямо противоположными. Что касается непрозрачности и неупорядоченности, то это определяется жизнью индивида в повседневном мире — некритическим использованием “рецептов” выполнения типичных заданий, пока они не проблематизируются и не возникнет потребность в их модификации (а то и замене).

7

После выделения предыдущих групп понятий и их центральных категорий можно, наконец, перейти к двум основным. Последние органично связаны друг с другом.

Начну с группы, которую (условно) буду называть **онтологической**. Такой термин диктуется сферой, которую объясняет и описывает эта группа понятий. Речь идет о социальном мире, а также о его конституировании и конструировании, его структуре и изменении.

Центральной категорией этого типа станет понятие, являющееся одновременно интегральной категорией всей феноменологической социологии, а именно “жизненный мир” (Lebenswelt). Прежде чем привести дефиницию

этого понятия, нужно вслед за исследователем творчества Шюца — Хайнцом Абельсом — повторить: единого определения “жизненного мира” основатель феноменологической социологии не оставил [39]¹.

Приведу дефиницию, с которой начинаются “Структуры жизненного мира”. “Под повседневным жизненным миром, — пишет Шюц, — следует понимать ту область действительности, которую бодрствующий и нормальный взрослый человек в установке здравого смысла воспринимает как просто данную. Как просто данное мы переживаем все, переживание чего не вызывает вопросов...” [25, с. 25]. Приведенная дефиниция неполная и не содержит нескольких фундаментальных характеристик данного понятия. Например, здесь не указана *предзаданность* этого мира для индивидов. Ведь они рождаются и встречают уже существующий социальный мир. Вместе с тем это определение указывает на тесную связь “жизненного мира” с другой категорией — “естественной установкой” (*natürliche Einstellung*), которую можно охарактеризовать как такое состояние сознания, которое предполагает некритическое восприятие окружающего мира, данного актору без вопросов, как само собой разумеющееся.

Еще одним понятием, помогающим понять это состояние, является “*живая интенциональность*” (*lebendige Intentionalität*). “... Я, — объясняет ученый, — продолжаю оставаться в потоке несущей меня живой интенциональности, пока живу среди подобных мне и постигаю их переживания в самоданности, и эта интенциональность заслоняет мне взгляд в глубинные слои безусловно данного” [1, с. 288]. То есть эта *вжитость* в мир повседневности не позволяет наивно живущему человеку (как называет его Шюц), задаваться вопросом о конструированности этого мира. Этой непроблематичности мира способствует и уже упоминавшаяся его предзаданность. Существующие “рецепты” и смысловые комплексы, сформированные предшественниками, оказываются достаточными и адекватными для жизни и сосуществования индивидов. Все это способствует пребыванию человека в естественной установке, согласно которой фундаментальные механизмы социальной жизни да и сама ее возможность не вызывают вопросов и остаются как бы скрытыми. Поэтому необходимым условием пребывания индивида в естественной установке является важная характеристика жизненного мира — непрозрачность. Он — это все, что нас окружает и что одновременно не является предметом рефлексии. Отсюда это можно еще назвать прозрачной непрозрачностью.

К понятию “естественная установка” (которая, учитывая ее познавательные возможности, без сомнения, является категорией) я буду неоднократно возвращаться. Сейчас сосредоточимся на структурах, или наслоениях жизненного мира (*Aufschichtungen der Lebenswelt*).

Первым среди них можно назвать *пространственный* аспект. Как отмечалось, каждый индивид является для себя центром жизненного мира и той системой координат, в соответствии с которой расположены остальные объекты. Шюц использует понятие “*нулевая точка*” (*Nullpunkt*) и пространственное расслоение осуществляет, отталкиваясь от нулевой точки.

¹ Впрочем, этого не сделал и основатель трансцендентальной феноменологии — Эдмунд Гуссерль. Возможно, это связано с тем, что “Структуры жизненного мира” Альфред Шюц так и не закончил, а сама книга была фактически скомпонована и издана с дополнениями его последователем — Томасом Лукманом.

Сектор мира, доступный для непосредственного переживания, является миром в *актуальной достижимости* (*Welt in aktueller Reichweite*). Понятно, что наша интенциональность постоянно меняет свое направление, наша тематическая релевантность задает все новые и новые модификации внимания. Поэтому то, что только что было миром в актуальной достижимости, уходит из поля нашего зрения, но может снова туда попасть, благодаря чему и *получает название “мир в возобновляемой достижимости”* (*Welt in wiederherstellbarer Reichweite*). Кроме того, наше внимание может быть обращено и на совсем новые, до сих пор неизвестные сектора мира. “Мир, — говорит Шюц, — который никогда не был в моей достижимости, но может быть переведен в нее, следует назвать миром в достижимости, которой можно достичь” [25, с. 66]. Иначе этот сектор можно назвать “*мир в потенциальной достижимости*” (*Welt in potenzieller Reichweite*).

Вторым наслоением жизненного мира *является* временной аспект. Здесь снова вспомним о “предзаданности” (*Vorgegebenheit*) жизненного мира индивиду. Человек рождается и встречает уже имеющийся мир сосуществования, в нем существует вместе с другими, и через интерсубъективность для него становится само собой разумеющимся: все рождается, стареют и умирают. Поэтому время повседневной жизни человека конечно. Это понимание неотвратимости конца Шюц обозначает термином “*фундаментальная тревога*” (*Fundamentalangst*). Она, в свою очередь, помогает лучше понять систему релевантности актора. “С нее (фундаментальной тревоги. — А.Ш.), — объясняет социолог, — выводится система релевантности естественной установки: системы надежды и страха, потребностей и удовольствий, шансов и риска, которые по-разному переплетаются и побуждают человека овладевать жизненным миром, преодолевать препятствия, строить и реализовывать планы” [25, с. 75].

Таким образом, конечность жизни и понимание этого индивидом являются первой характеристикой времени жизненного мира. Вторая вытекает из особого пересечения внутреннего временного сознания, мирового времени (как природного времени) и социального времени (которое выделяется благодаря интерсубъективному конструированию)¹.

Из-за отсутствия конгруэнтности между этими тремя видами времени каждый индивид соприкасается с тем, что между составлением проекта действия и действием существует временной промежуток². Вынужденный ждать, а также не имея возможности делать в один момент много дел, актер должен выстраивать свои действия в повседневной жизни по определенной иерархии и самые важные, по его мнению, выполнять в первую очередь. Эту характеристику автор обозначил английским выражением “*first things first*”.

И последней характеристикой времени жизненного мира является *его* историчность. Имеется в виду, что каждый индивид рождается и живет в определенную эпоху, находится в определенной исторической ситуации. Он не может вернуться назад во времени или перепрыгнуть рамки своего фи-

1 На этом стыке построена сама структура времени жизненного мира.

2 Шюц в качестве наиболее простого примера приводит ситуацию приготовления сладкой воды: чтобы ее приготовить, я должен бросить в стакан сахар и подождать, пока он растворится.

зического существования. Поэтому конечность времени жизни и историческая ситуация являются навязанными условиями существования индивида. Они определяют его жизненные планы и системы релевантности в целом.

Завершая рассмотрение временного аспекта, необходимо обратить внимание на его связь с пространственным аспектом. Последний, как было показано, Шюц делит на мир в актуальной достижимости, мир в возобновляемой достижимости и мир в потенциальной достижимости и, исходя из такого деления, предлагает довольно простую схему этой связи: первый совпадает с нынешней фазой сознания, второй — со вспоминанием, последний — с ожиданием.

После анализа понятий, объясняющих и описывающих пространственные и временные наложения, подходим к третьему крайне важному с социологической точки зрения аспекту жизненного мира — *социальному распределению*. По сути, речь идет о новом подходе (по сравнению с классическими) к пониманию социальной онтологии. Шюц фокусирует внимание на структурировании социального мира вокруг отдельного актора как центра жизненного мира. Индивид становится точкой отсчета, относительно которой располагаются Другие. Однако этот метод не ведет к субъективизму или релятивизму (в чем нередко обвиняют феноменологов), а наоборот, помогает обнаружить инвариантные механизмы конструирования общего жизненного мира.

То есть индивид в своем сосуществовании с Другими с необходимостью вступает с ними во взаимодействие. Однако взаимодействие это качественно различное. Поэтому окружающий актора социальный мир Шюц делит по отношению к актору на среду *ближайшего окружения* (*soziale Umwelt*) и *среду более широкого окружения* (*soziale Mitwelt*). Анализ обоих понятий позволяет уточнить и лучше понять рассмотренные в предыдущих параграфах понятия. Начну с первого понятия.

Простейшую ситуацию, когда индивид переживает своего партнера в непосредственном опыте, социолог, заимствуя термин Ч.Кули, предлагает называть ситуацией “с глазу на глаз”. Главными ее условиями являются предыдущие два аспекта жизненного мира — пространственный и временной. Одновременно находясь в одном и том же Здесь-и-Теперь (*Hier-und-Jetzt*), акторы могут наблюдать внешние проявления друг друга (речь, жестикуляцию, проявление эмоций) и таким образом делать выводы о переживании сознания *Другого* непосредственно в их протекании. Восприятие индивидом своего партнера в таких условиях обозначается термином *Ты-установка* (*Dueinstellung*). Если же партнер, в свою очередь, так же воспринимает индивида, то *Ты-установка* является взаимной и становится основой *Мы-связи* (*Wir-Beziehung*).

Это понятие делает возможным углубленный анализ образования и воспроизводства социальных связей в повседневной жизни. *Мы-связь* не является устойчивым образованием по составу ее участников. Постоянной величиной, константой здесь является только *ego*. Поэтому мы всегда говорим о *Мы-связи* определенного индивида, куда на основе взаимной *Ты-установки* входят *Другие*. В свою очередь, для этих *Других* данный индивид также является всего лишь одним из участников их собственных *Мы-связей*, который может в любой момент по тем или иным причинам выбыть. Самым

главным критерием *Мы-связи* является возможность наблюдать партнера и ход переживаний в его сознании благодаря аналогизирующей апперцепции.

В соответствии с временным и пространственным наслоениями жизненного мира, которые делятся на возобновляемую, актуальную сферу и сферу потенциальной достижимости, *Мы-связь* можно подвергнуть такому же структурированию. Ведь мой партнер, с которым я только что взаимодействовал и который находился в сфере моей актуальной достижимости, через некоторое время исчезает из нее. Есть шанс, что он вернется туда, а значит, перейдет в сферу возобновляемой достижимости. Те же индивиды, которые станут моими партнерами в будущем, пока принадлежат к сфере потенциальной достижимости.

Пространственное и временное пребывание в актуальной достижимости друг друга играет такую важную роль в силу возможности непосредственного наблюдения переживаний партнера и конструирования на этой основе общих смыслов. Эта особенность становится фундаментальной для объяснения феномена интерсубъективности. “Среда *Я* и среда *Ты*, — подчеркивает Шюц, — то есть наша среда, является единой и общей... Лишь исходя... из социального отношения ближайшего окружения, из общего переживания мира в *Мы*, может быть сконструирован интерсубъективный мир, именно отсюда происходит его исконное и неотъемлемое право. Следствием заключенной в *Мы-отношении* общности среды является то, что я постоянно способен *верифицировать результаты моей интерпретации чужих переживаний сознания. В социальном отношении ближайшего окружения, и только в нем, существует принципиальная возможность задать Ты-вопрос*” [1, с. 323–324].

Нужно также указать, что даже в условиях актуальной *Мы-связи* ее качественная составляющая может отличаться. Критериями при этом служат перспективы схватывания, глубина, близость и интенсивность переживаний. В зависимости от систем релевантности обоих акторов в условиях взаимной *Ты-установки* они по-разному воспринимают *Другого*. Проще говоря, они настолько глубоко “вживаются” в *Мы-связь*, насколько это диктуется их мотивами. Здесь снова подтверждается огромное значение прагматического аспекта.

Теперь перейдем к *среде более широкого окружения*. Этот вид среды характеризуется большей или меньшей степенью анонимности. В отличие от ближайшего окружения, в этой среде *Другой* не дан индивиду непосредственно, и поэтому *Ты-установка* невозможна. Ее место занимает *Вы-установка*, характеризующаяся опосредованностью восприятия переживаний *alter ego*. Актор лишь гипотетически, на основе собственного (и заимствованного чужого) опыта делает вывод о существовании других людей, не находящихся в сфере его актуальной достижимости. Он не может синхронизировать свои переживания с ними, хотя знает, что потенциально они могут попасть в его *Мы-связь*.

В соответствии с этим место субъективного смысла здесь занимает объективный. Ведь индивиду он дан не в его политегическом конструировании, а монотетически. Единственный способ постижения более широкого окружения актором — это типизация. Для объяснения этого процесса Шюц использует понятие синтеза рекогниции. “Единство *alter ego* более широкого окружения... изначально конституируется не в его длительности..., а исключительно в синтезе моих интерпретативных актов *alter ego* в единстве моего протекания

длительности. Этот синтез является синтезом рекогниции... В этом синтезе рекогниции я конституирую свой опыт *alter ego* более широкого окружения, доводя его до идеальной типизации”, — объясняет автор [1, с. 342].

Эта идеальная типизация более широкого окружения подводит к выделению нескольких идеальных типов¹.

Во-первых, *персональный тип* (personaler Idealtypus), под который подпадают *Другие* на основе определенного личностного критерия. Под тип попадает не один, а несколько или много *alter ego*. Причем уникальные характеристики Чужого не учитываются. Это, в свою очередь, влияет на ситуацию *Мы-связи*, ведь когда в нее попадают люди из более широкого окружения, мы сначала (и в дальнейшем это отношение может в той или иной мере сохраняться) воспринимаем их как “людей по типу Вас”, “людей, подобных Вам”, то есть как представителей одного из уже имеющихся в нашем собственном запасе знания личностных типов. А если ни один из имеющихся типов не соответствует, образуется новый.

Вторым видом идеальных типов является *функциональный* (funktionaler), или процессуальный. К нему относятся чистые типы поведения, или деятельности, устоявшиеся в социуме. Функциональный тип еще более анонимный, чем персональный. Примером может служить намерение человека послать письмо и его уверенность, что при условии выполнения определенных действий и правил (например, наклеивания марки) определенное количество анонимных работников почты, в свою очередь, сделает ряд шагов, чтобы письмо дошло по назначению. Другие выступают здесь не как *ego*, а как исполнители определенных регламентированных действий, на которые ориентируется индивид. Шюц подчеркивает, что, как и в случае *Мы-связи*, *Ты-установка* акторов является взаимной, а в случае более широкого окружения *Вы-установка* (Ihreinstellung) также предполагает взаимность — взаимность типизаций. Я предполагаю, что анонимный тип будет действовать определенным образом, и так же предполагаю, что он в себе ожидает от меня определенных действий, и действую в соответствии с этим убеждением.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что анализ среды ближнего и более широкого окружения касается только тех людей, которых Шюц обозначает термином “современники” (Zeitgenosse), — тех, с кем мы теоретически имеем шанс вступить во взаимодействие в течение нашей жизни. Другое дело, когда речь идет об уже умерших людях, которые принадлежат к прошлому, то есть о предшественниках, и о людях, которые родятся в будущем, — о преемниках. Ни с первыми, ни со вторыми мы не можем взаимодействовать, и это также подвергает сомнению одну из двух фундаментальных идеализаций, делающих возможной intersубъективность — идеализацию конгруэнтности систем релевантности. Ведь мы находимся с ними в разных смысловых контекстах, свойственных каждый эпохе, а значит, можем по-разному толковать одни и те же события или явления.

Несмотря на это, мы сохраняем связь с прошлым миром благодаря артефактам и знаниям, которые передаются нам учителями и родителями и составляют значительную часть нашего запаса знания. Поэтому изначально

¹ И снова Шюц заимствует одно из фундаментальных понятий понимающей социологии Макса Вебера и использует его, трансформировав в соответствии с целями собственного анализа.

мы понимаем этот мир как исторический и предзаданный, который существовал до нашего рождения и будет существовать после нашей смерти. Здесь мы снова возвращаемся к понятию естественной установки.

От рождения индивид встречает уже организованный мир, поэтому от рождения в процессе социализации у него закрепляется естественная установка и специфическая разновидность эпохе. Однако, подчеркивает Шюц, это не феноменологическое эпохе: “Он (человек в естественной установке. — А.Ш.) воздерживается не от веры во внешний мир и его объекты, а как раз наоборот: от сомнения в его существовании. Он заключает в скобки сомнение в том, что этот мир и его объекты могли бы быть другими, нежели те, какими они ему кажутся. Мы предлагаем называть это эпохе “эпохе естественной установки” [26, с. 229]. Эта данность человеку мира без вопросов имеет место благодаря не только его предзаданности, но и *вжитости* человека в него, благодаря потоку *живой интенциональности*.

Для актора мир его повседневности представляет собой *верховную реальность* (paramount reality) по отношению к другим подмирам¹. Происходит это потому, что нашему сознанию присущи разные степени напряжения и внимания к жизни. В определении жизненного мира и привычного состояния пребывания в нем — естественной установки — речь обязательно идет о бодрствующем человеке. Состояние *бодрствования* (helle Wachheit) ученый собственно и предлагает считать высшей степенью напряжения сознания и внимания к жизни. Впрочем, это лишь одна из характеристик особого когнитивного стиля этой реальности (подобный стиль имеют и другие закрытые области значения).

Кроме него выделяется уже упоминавшееся эпохе естественной установки; специфическая форма социальности, а именно интересубъективность; особая временная перспектива, как совпадение внутреннего временного сознания и объективного времени и, на что нужно обратить внимание, — работа. Последняя характеристика опять-таки служит доказательством очень важной роли прагматического аспекта существования индивида в жизненном мире². Этот мир повседневности является миром работы (world of working), в который все мы “вжиты” и который диктует нам все наши интересы и потребности. Другими закрытыми областями значения, которые, впрочем, не имеют статуса верховной реальности, являются мир фантазии, поэзии, науки и т.п.

Повседневному миру Шюц противопоставляет мир сновидений, ведь его когнитивный стиль характеризуется наименьшим напряжением сознания. На основе проведенного анализа можно дать собирательное определение категории жизненный мир, помня при этом, однако, о законе обратного-пропорционального отношения содержания и объема понятия.

Жизненный мир является миром допредикативного опыта, который человек (нормальный, взрослый и бодрствующий) воспринимает как само собой разумеющийся в силу его предзаданности и интересубъективности и

¹ Важно еще раз подчеркнуть, что Шюц имеет в виду не какие-то онтологические миры, а конечные области значения. К этому крайне важному методологическому моменту феноменологической социологии я вернусь позже, когда буду анализировать критику Шюцем социальных наук и переосмысление их оснований.

² Речь идет также о значимости влияния прагматизма на научное мышление Шюца, в частности концепций Джеймса и Дьюи.

всегда имеет к нему практический интерес. Индивид *вжит* в него, этот мир представляет собой все поле культурных и природных объектов, *Других*, с которыми он соприкасается ежеминутно в ходе своей повседневной жизни. Именно поэтому, считает Гуссерль, жизненный мир не становился предметом научного интереса на протяжении веков. Ведь ученые — такие же люди и так же находятся в потоке живой интенциональности. Только трансцендентальная феноменология и ее радикализованное картезианское эпохе позволяют увидеть эти фундаментальные само собой разумеющиеся вещи и подвергнуть их рефлексии.

Здесь мы подходим к связи жизненного мира и науки, которую детально рассматривал еще Гуссерль в “Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии” [40]. Напомню лишь, что оторванность от жизненного мира, подмена его идеализациями и формализацией, по мнению философа, — вот главная причина кризисных явлений в современной ему науке (которая базировалась на позитивистской методологии). Выходом из этой ситуации должна была стать трансцендентальная феноменология, которая одна только и давала возможность увидеть и осмыслить этот отрыв. Впрочем, Гуссерль искал аподиктически достоверные основания всякого знания. А в своей работе больше примеров приводил из области наук о природе. Шюц, напротив, использовал и развил его методологию применительно к наукам о духе, а именно социальным. Он также использует феноменологическую редукцию, чтобы отыскать жизненный мир в его прозрачной непрозрачности и освободиться от естественной установки. Бинарной оппозицией последней выступает *теоретическая установка*. Только приняв ее, ученый (и особенно социолог) может получить достоверное знание об окружающем мире. “Настроиться на научное наблюдение этого жизненного мира, — объясняет ученый, — значит принять решение не помещать более себя и свое состояние интереса в центр этого мира и заменить эту ориентацию феноменов жизненного мира другой нулевой точкой” [41, с. 137].

То есть социолог должен отказаться от “наивного” восприятия мира, от своего прагматического отношения к нему и заменить свою систему координат на принадлежащую тем, кого он изучает. Именно поэтому теоретическую установку еще обозначают термином “установка беспристрастного наблюдателя” (*desinteressierter Beobachter*).

Подойдя к этому понятию, мы тем самым подошли к последней и очень важной группе понятий.

8

Шестая и последняя группа понятий, которую я хотел бы выделить в этом анализе, получила название **гносеологической**, или критической группы. Такое название объясняется функцией этих понятий, которую они выполняют в системе феноменологической социологии, а именно направленностью на критику и переосмысление предмета и метода социальных наук. Поэтому сюда попадают не только понятия, специфически свойственные новой парадигме, но и уже давно устоявшиеся общие социологические понятия, правда, с модифицированными дефинициями.

Здесь необходимо воспроизвести логику, на основе которой Гуссерль пришел к открытию интересубъективного мира. На первом шагу ученый осу-

ществлял феноменологическую редукцию, или воздержание от принятия этого мира как само собой разумеющегося и вообще воздержание от суждений о нем. Благодаря такому подходу, когда мы “заключаем мир в скобки” (“klammern”), открывается сфера чистого сознания или трансцендентального *Эго* — и это второй этап. На третьем этапе происходит преодоление солипсизма на основании *теории alter ego* и аналогизирующей апперцепции.

Шюц, которого больше интересовала сфера интерессубъективности, нежели исследования в сфере трансцендентальной феноменологии и эгологии, использует понятие “эпохе” для открытия жизненного мира и возможности его изучения. “В этом эпохе, — пишет социолог, — “заключаются в скобки” (или приостанавливаются): 1) субъективность мыслителя как человека, живущего среди своих собратьев, включая его телесное существование в качестве психофизического человеческого существа в мире; 2) система ориентации, в соответствии с которой мир повседневной жизни организуется по зонам...; 3) фундаментальная тревога и вытекающая из нее система прагматических релевантностей. В этой модифицированной сфере общий для нас жизненный мир продолжает существовать как реальность, но уже как реальность теоретического созерцания, не представляющая для нас практического интереса” [26, с. 249].

Таким образом, речь идет об уже упоминавшейся теоретической установке как альтернативе естественной установке (модусу сознания, аподиктически присущему наивно существующему человеку). Ее принятие позволяет преодолеть прозрачную непрозрачность жизненного мира и вообще делает возможным нахождение его, после чего уже осуществляется исследование его структур¹.

Впрочем, наработки Гуссерля, касающиеся структур *ego*, также играют важную роль и входят в феноменологическую социологию. И это хорошо видно из предыдущих параграфов. На основе открытия чистого сознания, самого процесса его поиска, а также происходящих в нем феноменов и процессов Э.Гуссерль осуществил переосмысление и критику современного ему научного познания. То же самое делает и А.Шюц, однако в большей мере сосредоточивается на критике социальных наук и разработке их новой методологии.

Самой первой претензией феноменолога является то, что исследователи социума не задаются вопросом о самой возможности социального мира, социальной реальности и вообще образовании смысла. Интерессубъективность для этих ученых задана без вопросов. Таким образом, они, подобно тем, кого должны изучать (то есть “наивных” акторов), тоже находятся в естественной установке. А это, в свою очередь, ведет к проникновению в их понятийно-категориальный аппарат само собой разумеющихся вещей из повседневной жизни². Но социальные ученые допускают еще одну фундаментальную ошибку: они подменяют изучение жизненного мира идеализация-

¹ Проблема методологии социальных наук постоянно волновала Шюца. Эта тема прослеживается почти во всех его работах. Особое внимание этому вопросу он уделял в частности в: [42–49].

² Эту претензию Шюц в частности предъявляет и Веберу.

ми и формализациями. В итоге их теоретические построения утрачивают реальное наполнение¹.

Для преодоления первой ошибки Шюц использует анализ внутреннего временного сознания. Как я уже подчеркивал, благодаря этому достигается четкое видение таких базовых феноменов социального сосуществования, как “смысл” и “согласие”. Рассматривая ответ на вторую проблему, основатель новой парадигмы синтезирует методологию Гуссерля и Вебера. Как и Гуссерль, он считает, что преодолеть формализацию и идеализацию можно, только обратившись к жизненному миру, являющемуся основанием всех наук, и вместе с тем для изучения этого жизненного мира использует фундаментальное понятие Вебера — “идеальный тип”. Хотя в случае ложного понимания его назначения ученый рискует опять допустить подмену реального мира миром оторванных от жизни абстрактных построений.

Поэтому Шюц определяет четыре постулата конструирования идеального типа: *постулат релевантности* (das Postulat der Relevanz), согласно которому ученый конструирует идеальный тип в соответствии с определенной проблемой, задающей рамки его применения, в которых и следует оставаться; *постулат адекватности* (das Postulat der Adaquanz), призванный обеспечивать связь теоретических конструкций с повседневным миром; а также *постулаты логической согласованности* (das Postulat der logischen Konsistenz) и *совместимости* (das Postulate der Übereinstimmung), которые требуют, чтобы идеальный тип не противоречил формальной логике и уже имеющемуся научному знанию соответственно.

Однако ученый, который также является актором в этом мире и поэтому имеет в нем собственную систему координат, согласно которой структурирует жизненный мир, претендует на то, чтобы научно, а не только практически (исключительно в меру подчинения общему прагматическому мотиву) познавать его. Таким образом, наука пытается выйти в своих выводах за пределы субъективного контекста на уровень объективного. Именно здесь проявляется неопределимая роль веберовского принципа Verstehen, позволяющего “осуществлять объективные операции с субъективными значениями” [29, с. 43].

Шюц полагает этот принцип в основу нового научного моделирования, формируя три постулата этого процесса. О *постулатах логической последовательности* (the postulate of logical consistency), что качественно отличает научные построения от конструктов повседневного (“наивного”) мышления, и *адекватности* (the postulate of adequacy) говорилось выше. Но самым главным является третий постулат — *субъективной интерпретации* (the postulate of subjective interpretation). “Следование этому постулату, — отмечает Шюц, — гарантирует возможность сводить все виды человеческих действий или их результаты к субъективным значениям таких действий и их результатов, то есть значениям, придаваемым самими действующими своему действию” [29, с. 43].

¹ В том же упрекал современную ему науку Гуссерль в своем “Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии”. Более того, именно это господство оторванных от жизненного мира идеализаций и формализаций он полагал ответственным за кризис в научном познании [40].

Логическим результатом этой критики и переосмысления методологии социальных наук стало то, что А.Шюц приходит к пониманию необходимости построения новой системы. Он назвал ее “конститутивная феноменология естественной установки”. Из названия видно, что ученого более всего интересовали процессы конституирования и конструирования повседневного (“некритического”) модуса сознания и его инвариантные характеристики.

В своем анализе Шюц идет собственным путем, отличным от подходов других мыслителей, чьи разработки послужили для него научной почвой. Система Шюца определяет новый способ теоретического мышления, кардинально отличающий ее от классической методологии. Она стоит над номинализмом и реализмом, субъективизмом и объективизмом. Феноменологическую социологию интересуют фундаментальные основания социальной гносеологии, онтологии и эпистемологии. Система феноменологической социологии, рассмотренная в данной статье под углом зрения четырех функций, имеет соответствующую структуру.

Первая — операциональная группа, объясняющая субъективное конституирование социального действия. Последнее, естественно, выступает центральной категорией этой группы. Второй составляющей является группа релевантности. К ней относятся три категории (тематическая, интерпретационная и мотивационная релевантность), их связи и подчиненные им понятия. Этот тип помогает лучше понять категорию “социальное действие” и такие понятия, как “социальное поведение” и “социальное воздействие”. Кроме того, системы релевантности используются для понимания процесса организации “запаса знания”, а значит, они связаны с эпистемологической группой. В свою очередь, семантическая группа, центральной категорией которой является “смысл”, кардинально дополняет дефиницию основных понятий операциональной группы и помогает перейти с субъективного на интересубъективный уровень объяснения.

С переходом на онтологический уровень мы наконец соприкасаемся с фундаментальной категорией “жизненный мир” и неразрывно связанной с ней “естественной установкой”. Обе позволяют подвергнуть радикальному переосмыслению организацию социального мира и методологию социальных наук, которая отражена в последней — гносеологической группе, центральной категорией которой становится “теоретическая установка”.

Теперь на основе упомянутых центральных категорий феноменологической социологии можно определить интегральное понятие этой системы, а именно “жизненный мир”. Подобно любой другой категории, эта выполняет четыре главных функции: *методологическую*, задающую проблемное поле и одновременно познавательный инструмент; *синтеза знаний*, так как аккумулирует в себе уже существующие категории и понятия; *эвристическую*, ибо является неисчерпаемым источником обретения нового знания; и наконец, *логическую*, поскольку специфически упорядочивает понятийно-категориальный аппарат феноменологической социологии. Интегральной же эту категорию делает пятая функция — *системообразующая*. Именно “жизненный мир”, а точнее, его открытие Гуссерлем задает направление движения, приводящего к появлению феноменологической парадигмы в социологии.

В завершение несколько замечаний. Выше был проанализирован понятийно-категориальный аппарат классического этапа феноменологической социологии. При этом предложена собственная схема организации понятий

в группы, чтобы лучше выявить их связи между собой. Последние аподиктически следовали из познавательного интереса основателя феноменологической социологии.

На следующем этапе, который можно охарактеризовать термином “постклассический”, феноменологические понятия продолжали свою эволюцию в соответствии с направленностью анализа, осуществленного последователями Шюца. Исследование этого процесса позволит нам перейти к анализу современного состояния феноменологической социологии и перспектив развития этой системы знаний.

Литература

1. *Schütz A. Der Sinnhafte Aufbau der sozialen Welt // Alfred Schütz Werkaufgabe.* — Konstanz, 2004. — Bd. 2.
2. *Schütz A. Leben und Erkennen. Entwürfe einer Theorie der Geisteswissenschaft // Sinn und Zeit.* — Konstanz, 2006. — S. 175–210.
3. *Schütz A. Notizen aus der früheren Wiener Zeit // Sinn und Zeit.* — Konstanz, 2006. — S. 211–246.
4. *Schütz A. Lebensformen und Sinnstruktur // Sinn und Zeit.* — Konstanz, 2006. — S. 45–174.
5. *Michailow M., Sebald G., Srubar I. “Einleitung” zum “Sinn und Zeit”.* — Konstanz, 2006.
6. *Schütz A. Husserl and His Influence on Me // The Annals of Phenomenology.* — S.l., 1977. — Vol. 2.
7. *Husserl E. Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung.* — Halle a.d.S. — Sl. — Bd. 9. — S. 368–496.
8. *Husserl E. Formale und transzendente Logik: Versuch eine Kritik der logischen Vernunft.* — Haag, 1980.
9. *Schutz A. Husserl’s Cartesian Meditations // Collected Papers.* — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 155–165.
10. *Schutz A. Husserl’s Formal and Transcendental Logic // Collected Papers.* — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 166–173.
11. *Schutz A. Husserl’s Notes concerning the Constitution of Space // Collected Papers.* — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 174–176.
12. *Schutz A. Husserl’s Crisis of Western Sciences // Collected Papers.* — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 177–186.
13. *Schütz A. Phänomenologie und die Grundlegung der Sozialwissenschaften (Edmund Husserls Ideen Band III) // Gesammelte Aufsätze.* — 1971. — Bd. 3. — S. 74–85.
14. *Schütz A. Das Problem der transzendentalen Intersubjektivität bei Husserl // Gesammelte Aufsätze.* — Haag, 1971. — Bd. 3. — S. 86–118.
15. *Schütz A. Einige Grundbegriffe der Phänomenologie // Gesammelte Aufsätze.* — Haag, 1971. — Bd. 2. — S. 113–135.
16. *Schutz A. The Paradox of Transcendental Ego // Collected Papers.* — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 190–192.
17. *Schutz A. On the Concept of Horizon // Collected Papers.* — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 196–200.
18. *Schutz A. Thou and I // Collected Papers.* — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 201–202.
19. *Schütz A. Phänomenologie und die Sozialwissenschaften // Gesammelte Aufsätze.* — Haag, 1971. — Bd. 1. — S. 136–161.
20. *Schütz A. Husserls Bedeutung für die sozialwissenschaften // Gesammelte Aufsätze.* — Haag, 1971. — Bd. 1. — S. 162–173.

21. *Schutz A.* Husserl's *Parisian Lectures of 1929* // Collected Papers. — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 193–195.
22. *Barber M.D.* The Participating Citizen. A biography of Alfred Schutz. — New York, 2004.
23. *Wagner H.R.* Alfred Schutz: an Intellectual Biography. — Chicago, 1983.
24. *Thomason B.C.* Making Sense of Reification Alfred Schutz and Constructionist Theory. — S.l., 1982.
25. *Schütz A., Luckmann Th.* Strukturen der Lebenswelt. — Frankfurt am Main, 1991.
26. *Schutz A.* On Multiple Realities // Collected Papers. — Hague, 1962. — Vol. 1.
27. *Berger P.L., Luckmann Th.* The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge. — Harmondsworth, 1987.
28. *Grathoff R.* Milieu und Lebenswelt. Einführung in die phänomenologische Soziologie und die sozialphänomenologische Forschung. — Frankfurt am Main, 1995.
29. *Schutz A.* Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Collected Papers. — 1962. — Vol. 1.
30. *Schutz A., Parsons T.* The Theory of social action: the correspondence of Alfred Schutz and Talcott Parsons / Ed. by R.Grathoff. — Bloomington, 1978.
31. *Schütz A.* Das Problem der Personalität in der Sozialwelt. Bruchstücke // Theorie der Lebenswelt. — Konstanz, 2003. — Bd. 1.
32. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. — Tübingen, 1925. — Hlbd.1.
33. *Schutz A.* Reflections on the Problem of Relevance. — Yale, 1970.
34. *Schutz A.* Relevance: Knowledge on Hand in Hand // Collected Papers. — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 67–70.
35. *Schutz A.* Symbol, Reality and Society // Collected Papers. — Hague, 1962. — Vol. 1.
36. *Schütz A.* Erleben, Sprache und Begriff // Theorie der Lebenswelt. — Konstanz, 2003. — Bd. 2. — S. 37–78.
37. *Schütz A.* Sprache, Sprachpathologie und Bewußtseinsstrukturierung // Theorie der Lebenswelt. — Konstanz, 2003. — Bd. 2. — S. 79–116.
38. *Schütz A.* Vorlesungen zur Sprachsoziologie (nach Mitschriften) // Theorie der Lebenswelt. — Konstanz, 2003. — Bd. 2. — S. 221–302.
39. *Abels H.* Interaktion, Identität, Präsentation: kleine Einführung in interpretative Theorien der Soziologie. — Weisbaden, 2007. — S. 208.
40. *Husserl E.* Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. — Hamburg, 1977.
41. *Schutz A.* Phenomenology and Social Sciences // Collected Papers. — Hague, 1962. — Vol. 1.
42. *Schutz A.* Toward a Viable Sociology // Collected Papers. — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 75–83.
43. *Schutz A.* Phenomenology and Cultural Sciences // Collected Papers. — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 106–109.
44. *Schutz A.* Realities from Daily Life to Theoretical Contemplation // Collected Papers. — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 25–50.
45. *Schütz A.* Begriffs- und Theoriebildung in den Sozialwissenschaften // Gesammelte Aufsätze. — Haag, 1971. — Bd. 1. — S. 55–76.
46. *Schutz A.* The Life-World and the Scientific Interpretation // Collected Papers. — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 110–111.
47. *Schutz A.* Basic Concepts and Methods of the Social Sciences // Collected Papers. — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 121–130.
48. *Schutz A.* Social Science and Social World // Collected Papers. — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 140–146.
49. *Schutz A.* In Search of the Middle Ground // Collected Papers. — S.l., 1996. — Vol. 4. — P. 147–154.